

КАКИМИ РОДИТЕЛЯМИ
ДЕЛАЮТ НАС
ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

МЫ

МЕРЕДИТ СМОЛЛ

И НАШИ МАЛЫШИ

Издательство «СветЛо»

Мередит Смолл
Мы и наши малыши

«СветЛо»

1998

Смолл М. Ф.

Мы и наши малыши / М. Ф. Смолл — «СветЛо», 1998

ISBN 978-5-905392-31-3

Молодые родители сталкиваются с необходимостью принимать бесчисленные решения о том, как заботиться о своем малыше наилучшим образом, и, естественно, обращаются за советом к друзьям и родным, которые уже вырастили своих детей. Но ученые все чаще обнаруживают, что пришло время тщательно пересмотреть многие «надежные» советы, передававшиеся из поколения в поколение. Нужно ли приучать новорожденного спать в одиночестве? Почему грудное вскармливание лучше искусственного? Нужно ли давать ребенку поплакать, прежде чем взять его на руки? Действительно ли важно для здорового развития ребенка разговаривать с ним и петь ему песенки? Действительно ли стили воспитания формируют личность и характер с момента рождения? И как нам ухаживать за младенцами, которые не могут сказать о своих потребностях? Автор настоящей книги, ученый-антрополог, внимательно изучивший родительское поведение в разных культурах, задается этими важными вопросами, и ее ответы подчас оказываются не просто неожиданными, но и способными полностью изменить наши подходы к заботе о малышах.

ISBN 978-5-905392-31-3

© Смолл М. Ф., 1998

© СветЛо, 1998

Содержание

Введение	6
Глава 1	14
Строение тела у детей раннего возраста	16
Последствия зависимости младенцев	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мереди́т Смо́лл
Мы и наши малыши
*Какими родителями делают
нас природа и культура*

Meredith F. Small

Our Babies, Ourselves

How Biology and Culture Shape the Way We Parent

© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛо»), 2016, перевод, оформление

© Мереди́т Франческа Смо́лл, 1998. Все права сохранены, включая права на полное или частичное воспроизведение в любой форме

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

Введение

Однажды зимой 1995 года в тускло освещенной комнате в городе Атланта, штат Джорджия, мне довелось присутствовать при родах. Правда, я стала свидетелем появления не свет не ребенка, а новой науки. Я приехала на конференцию Американской ассоциации содействия развитию науки и сидела на утреннем симпозиуме, посвященном новой области – «этнопедиатрии». И хотя период внутриутробного развития этого научного направления растянулся на несколько лет, сами роды прошли довольно быстро. Доктор Кэрол Уортман из Университета Эмори представила собравшейся аудитории ряд статей, подготовленных группой педиатров, специалистов по детскому развитию и антропологов, в которых говорилось об открытии нового направления исследований. Цель этой группы ученых, как объяснила доктор Уортман, заключалась в том, чтобы положить начало изучению родителей и детей в разных культурах и выяснить, как разные подходы к уходу за малышами влияют на их здоровье, благополучие и жизнестойкость. Учитывая тот факт, что мы живем в условиях постоянного роста внимания, уделяемого в Америке семейным ценностям, и в эпоху, когда человечество движется к глобализации культуры, а треть всего населения Земли составляют дети в возрасте до 15 лет, подобный подход показался мне весьма актуальным, новаторским и крайне важным.

Я, будучи антропологом, всегда интересовалась взаимодействием биологии человека и культуры, однако многое из того, о чем нам рассказывали тем утром, оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Один за другим докладчики описывали взаимоотношения ребенка и родителя в категориях, о которых я раньше никогда не задумывалась. Вместо того чтобы говорить о младенцах как о зависимых существах, нуждающихся в пище, уходе, воспитании и поощрении, эти ученые рассуждали об «эволюционном развитии», «адаптации» и «взаимозависимости» отношений детей и их родителей. Я обнаружила, что в других культурах жизнь новорожденных разительно отличается от той, что я привыкла наблюдать в Соединенных Штатах. Оказалось, что в некоторых странах малышей целыми днями носят в слинге, укладывают спать в одной кровати с родителями и зачастую с раннего детства приобщают к социальной жизни. Я с удивлением узнала, что в других культурах младенцы редко плачут и у них не бывает колик. Насколько же этот взгляд на воспитание детей отличался от того, чему учил нас доктор Спок!

Мой профессиональный интерес как антрополога особенно подстегнула мысль о том, что на протяжении миллионов лет не только взрослые, но и младенцы эволюционировали под влиянием конкретных экологических и физиологических ограничений. Ведь раньше специалисты в области эволюционной биологии интересовались главным образом взрослыми особями нашего вида, а пионеры этнопедиатрии призывали пересмотреть наш взгляд на эволюцию и задуматься о развитии представителей человеческого вида с первых месяцев их жизни. Тысячи лет тому назад матери везде носили младенцев с собой и постоянно кормили их грудью. Что же определяло необходимость такого тесного физического контакта между матерью и новорожденным? И соотносится ли хоть как-нибудь подобное поведение наших далеких предков с тем, как мы заботимся о детях в наши дни? Оказалось, что ученые, изучавшие эволюцию и историю человеческого вида, игнорировали еще одного немаловажного ее персонажа! И тогда я поняла, что просто обязана проследить за судьбой этой новорожденной науки и подробно описать все ее достижения с момента появления на свет и в период раннего развития. Итогом моих трудов стала данная книга.

Этнопедиатрия – это наука, предлагающая нам составить совершенно новое представление о детях. Это предполагает прежде всего, что мы должны взглянуть на них через призму их эволюционного развития. С помощью этнопедиатрии мы можем сопоставить материалы исследований о том, как разные культуры влияют на способы воспитания детей и ухода за ними, и

узнать, какой эффект оказывают различия в этих подходах на биологию ребенка. Но что важнее, плоды подобных исследований не ограничиваются одними только научными публикациями. Этнопедиатрия – это наука в том числе прикладная. Рассказывая представителям разных культур о том, как воспитывают детей в других обществах, как протекало эволюционное развитие младенцев нашего вида и как именно сочетается влияние биологических и культурных факторов на ребенка в младенческом возрасте, мы можем революционизировать их представления о родительстве. Родителям будет полезно расширить свой кругозор, узнав, к примеру, как реагируют на детей матери в бушменском племени кунг, почему японцы не признают даже самого понятия «трудный ребенок» или что в Голландии дети спят дольше, чем в Америке. Более того, некоторые из этих открытий имеют не просто практическую, но и жизненно важную ценность. Если ученые приходят к выводу, что ребенок, которого в течение дня держат на руках чаще и более длительное время, благодаря этому меньше плачет, подобное исследование может помочь нам в совершенствовании собственного подхода к воспитанию. Если оказывается, что в странах, где дети спят вместе с взрослыми, синдром внезапной детской смерти (СВДС) встречается реже, то это может перевернуть укоренившиеся в нашей культуре представления о том, как должен спать младенец. В определенном смысле этнопедиатрия объединяет в единое целое культуру и биологию; используемый ею подход разрушает устоявшиеся и общепринятые представления о воспитании детей и предлагает родителям новые подходы, которые могут лучше соответствовать эволюционно обусловленным потребностям младенцев.

Любая культура уделяет детям особое внимание, и не только из-за того, что они нуждаются в нашей защите, но и потому что дети – это наше будущее. Именно они со временем вырастут и будут нести за него ответственность. И поскольку люди – это существа, ведущие общественный образ жизни в составе сложных социальных групп, все мы должны хотя бы немного интересоваться тем, как живут самые младшие члены этих групп. Однако в основе заботы общества о детях лежат биологические интересы индивида. В биологическом смысле дети – это часть нас самих, возможность передать наши индивидуальные гены следующему поколению людей. С эволюционной точки зрения забота о детях является естественной потребностью, заложенной у нас в мозгу; дети – носители нашего ДНК, которые сохраняют его для будущих поколений¹. Поэтому мы их любим, заботимся о них, воспитываем и поддерживаем; такое внимание к детям и любовь к младенцам заложены естественным отбором в самую нашу природу. Подобно потребности в пище или воздухе, желание зачать, родить и воспитать ребенка – одна из основных потребностей человека. В этом мы не отличаемся от самки кенгуру, носящей кенгуренка в своей сумке, или от самца мартышки, таскающего детеныша на спине. Таков один из самых прекрасных танцев, придуманных матерью природой, – танец родительства, и каждый родитель послушно исполняет свои па, потому что в ином случае танец не получится.

Однако не всегда путь от произведения на свет потомства к успешному выполнению роли воспитателя бывает простым. Существуют самые разные младенцы и самые разные родители. То, что их отношения сформировались в процессе естественного отбора, вовсе не означает, что они будут складываться без каких-либо усилий. Все мы читали кричащие заголовки и видели шокирующие репортажи и знаем, что бывают и плохие родители, и неумелые родители, и дети, с которыми обращаются плохо. Даже у самых примерных отцов и матерей бывают дни, когда у них буквально опускаются руки от отчаяния. Вот и получается, что отношения, на первый взгляд кажущиеся сугубо прагматическими – дети нуждаются во взрослых, а взрослые запрограммированы на удовлетворение этой потребности, – на деле оказываются одними из самых сложных и противоречивых взаимоотношений на земле.

При этом конфликт, который может возникнуть в процессе воспитания детей, существует не только между маленьким ребенком и родителями, но и на более глубинном уровне – между

¹ Clutton-Brock, 1991.

биологией и культурой. Рефлексы младенцев идеально отточены в процессе эволюции человеческого рода; они знают, когда спать, когда есть и какими сигналами сообщать о своих потребностях. Однако, хотя родители и запрограммированы на то, чтобы безотказно реагировать на требования своего чада, они при этом не перестают быть живыми людьми, а не роботами. На самом деле существует немислимое количество внешних факторов, влияющих на работу «системы». За спиной каждого взрослого человека есть определенный личный и культурный багаж, который определяет его подход к воспитанию детей. И в каждом обществе существуют сформировавшиеся традиции, которые определяют, как взрослые «должны» обращаться со своими детьми. Учитывая, что дети крайне несамостоятельны и взрослеют достаточно медленно, родителям новорожденных предстоит еще долгие годы постоянно делать выбор и принимать самые разные решения относительно их воспитания и ухода за ними.

Наши представления о воспитании детей – это сплав личного опыта, полученного на основе наблюдения за поведением собственных родителей, мыслей о том, как можно улучшить то, что известно нам из нашего прошлого, и культурно обусловленных норм, которые определяют поведение, приемлемое в рамках конкретной культуры. Учитывая все это, нет ничего удивительного в том, что сколько родителей, столько и стилей воспитания. Кроме того, любой человек – не важно, является он родителем или нет, – уверен в правильности своих убеждений. Мне вспоминается, как много лет назад во время одного из приемов я стояла с другим гостем, обсуждая плохое поведение ребенка наших общих знакомых. К нашему разговору присоединилась хозяйка дома, заметив: «Мне так нравится слушать, как те, кто еще не стал родителями, обсуждают чужих детей». В этих словах не было ничего обидного или пренебрежительного – просто ей было любопытно узнать, как мы, бездетные люди, представляем себе столь ответственную работу, как воспитание. На тот момент мы с моим собеседником еще не успели стать родителями, но у каждого из нас было собственное мнение о воспитании детей, и нам, естественно, казалось, что мы способны справиться с этой задачей гораздо лучше, чем кто-либо из присутствующих на этом приеме. Каждый человек формирует собственный взгляд на воспитание и его влияние на детей друзей и родственников, основываясь на своих знаниях и системе ценностей. Более того, каждый из нас считает, что именно он прав. Вспомните мать и отца, которые не могут договориться, в какое время их дочь должна ложиться спать, или бабушку, которая недовольна тем, что младенца все время держат на руках, или друга, который удивляется тому, что родители неспособны унять своего ребенка. Каждый уверен, что он знает правильный ответ на вопрос, каким должен быть подход к воспитанию здорового и счастливого ребенка. При этом никто не видит тех личностных и культурных факторов влияния, которые способствовали формированию их взглядов.

На самом деле новорожденные являются объектами воздействия целого калейдоскопа принципиально разных стилей семейного воспитания. Несмотря на то что большинство детей благополучно вырастают во взрослых, никто в точности не знает, как эти разнообразные подходы к воспитанию влияют на взросление новорожденных в долгосрочном плане, жизнестойкость их организма и психическое здоровье. Данная книга выходит в свет в те дни, когда даже самые уверенные в себе родители беспокоятся по поводу того, всё ли они делают правильно. Если посмотреть на ситуацию более широко, то становится очевидным, что глобальные демографические и социальные изменения, происходящие в нашем мире, охватывают не только слаборазвитые, но и высокоразвитые западные страны, и нигде эти изменения не проявляются столь ярко, как в сфере ухода за детьми. Сегодня большинство детей в мире рождаются в семьях, принадлежащих к культурам и социально-экономическим группам, которые значительно отличаются от семей, проживающих в развитых странах, но при этом культуры стран третьего мира испытывают нарастающее давление со стороны Запада, который стремится заставить их подчиняться своим правилам. Так, туземных женщин, которые во время работы в поле всегда держали своих младенцев при себе в слингах, в наше время призывают вскарм-

ливать детей искусственно и использовать средства контрацепции для контроля рождаемости, отказываться от традиционных подходов к воспитанию и обращаться с детьми так, как это делают на Западе. А изменение роли женщин во многих культурах неминуемо оказывает влияние, иногда очень сильное, на развитие детей. Люди, принадлежащие к культурам стран третьего мира, переживают серьезный сдвиг в своей экономике – животноводы-кочевники становятся фермерами, а фермеры переезжают в города, где начинают работать на заводах. В Америке и многих других странах большие семьи, где родственники помогали друг другу в уходе за детьми, перестали быть правилом, а во всем мире растет количество неполных семей. Изменениям подвергается даже культурная атмосфера, существующая в развитых странах. В Америке, к примеру, сегодня матери составляют основную часть рабочей силы; найдется очень немного американских женщин и их детей, которые смогут вписаться в идиллическую картинку 1950-х годов, когда мама сидела дома и заботилась о детях, в то время как папа ходил на работу. Кроме того, высокий уровень иммиграции превращает наиболее развитые страны в плавильный котел, в котором происходит слияние разных культур, а значит, и подходов к воспитанию детей. Во всем мире наблюдаются серьезные сдвиги в области целей и стилей семейной жизни и воспитания подрастающего поколения. А значит, нам просто необходимо понимать, как мы формируем тех, кто представляет следующее поколение, и как те изменения, с которыми мы сталкиваемся, повлияют на подходы к воспитанию и развитие детей.

Возможно, самое поразительное открытие, сделанное специалистами в области этнопедагогики, заключается в том, что стили воспитания, существующие в западной культуре – те правила, которыми мы так дорожим, – необязательно являются наиболее подходящими для наших детей. Родительские практики, которые мы используем на Западе, не более чем условности культуры, которые имеют мало общего с тем, что естественно для новорожденных. На самом деле наши культурные правила разработаны с целью формирования определенного типа гражданина. Так, живущая в Ботсване женщина из племени кунг все время носит младенца с собой. Она кормит ребенка грудью не по часам, а, как мы на Западе пренебрежительно (и это многое говорит о нас самих!) называем, «по требованию». В племени кунг ребенка никогда не оставляют спать одного. А вот американских младенцев, напротив, часто на долгое время сажают в пластмассовые стульчики или кладут в коляску, их кормят строго по расписанию, и обязательным правилом считают наличие у ребенка собственной кровати или даже отдельной комнаты. В целом, эти два стиля ухода за детьми отражают то место, которое человек занимает в каждом из обществ. По тому, как ребенок ест, спит и проводит день, можно быстро понять, каким должен быть ожидаемый результат. Дети племени кунг живут в маленьком, тесно сплоченном сообществе, где очень важна социальная интеграция. В Америке же ценится социальная независимость, поэтому детей приучают к самостоятельности. Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что культурная среда представляет собой мощную, но при этом слабо изученную силу, которая формирует наш подход к воспитанию детей.

При всем том представители каждой культура уверены, что присущие ей стили и цели воспитания самые правильные, и не одобряют те, которые существуют у других народов. Когда матерям кенийского племени гусии показали видеофильм с участием американских матерей, они были поражены тем, как медленно американки реагируют на подаваемые их детьми сигналы о том, что они испытывают боль или дискомфорт. Американские туристы, в свою очередь, часто испытывают явную неловкость, когда видят, как пятилетняя африканская девочка несет на спине свою младшую сестру². Однако в том случае, когда эти предписанные культурой способы воспитания вступают в конфликт с биологией ребенка, ему может быть причинен реальный вред. В том, что касается потребностей, человеческие дети в биологическом плане очень похожи: им всем нужны еда, сон и эмоциональная привязанность. Однако родители и куль-

² LeVine, Dixon et al., 1994.

туры могут невольно повернуть эти потребности в сторону достижения собственных целей. В этом нет ничего дурного или эгоистичного – все родители желают своим детям лучшего, однако очевидно, что в различных культурах существуют разные представления о том, в чем это «лучшее» заключается.

В данной книге я воспользовалась материалами исследований различных этнопедиатров, специалистов по детскому развитию и антропологов в попытке понять, как культура влияет на воспитание детей и их развитие. Эти исследователи утверждают, что ребенок эволюционировал на протяжении миллионов лет и этот процесс начался задолго до того, как современная культура наложила свою руку на наши представления о том, кем мы являемся и что делаем. Тем не менее сегодня именно эта культура определяет очень многое в вопросах роста и развития ребенка. Более того, в развитых западных странах многие традиции приобрели ореол научной достоверности и благодаря этому стали прочно укоренившимися. Однако до недавнего времени не существовало никаких документальных научных подтверждений того, что тот или иной способ воспитания детей является действительно «правильным» в биологическом и психологическом смысле. По мнению этнопедиатров, для того чтобы действительно понять, как лучше всего воспитывать детей, необходимо провести эволюционное и кросскультурное исследование, которое должно быть дополнено реальными биологическими данными. Поэтому эти исследователи задают самые разные вопросы, ответы на которые представляют интерес не только для них, но и для родителей, врачей и всех тех, кто ухаживает за детьми. Почему ребенок так часто плачет, и можно ли что-то с этим сделать? Что лучше – кормить новорожденного по расписанию или постоянно? Действительно ли стили воспитания формируют личность и характер с момента рождения? Как лучше всего детям спать? Другими словами – как нам ухаживать за младенцами, которые не могут сказать о своих потребностях?

Рассматривая новую информацию, появляющуюся на стыке культур, я предлагаю читателям изучить те решения и варианты выбора, которые могут помочь нам в преодолении такого непростого пути, как воспитание ребенка. Предметом данной книги, имеющей биологическую и эволюционную основу, является антропология детей. Она не представляет собой практическое руководство как таковое, однако я надеюсь, что мне удастся – представив естественную историю и биологию раннего детства и предложив глобальный взгляд на подходы к воспитанию – познакомить кого-то из родителей и любых других взрослых людей, интересующихся жизнью человеческого общества, с новыми способами осмысления ухода за детьми. Кроме того, читатели смогут по-новому взглянуть на свою собственную историю. Ведь в этой книге я исследую биологические, культурные и семейный факторы влияния, которые определяют, какими мы становимся взрослыми.

В первой главе я начинаю с рассказа о детях в период начала существования такого биологического вида, как человек, и рассматриваю ребенка как эволюционирующий организм, который развивался на протяжении многих поколений, пока не приобрел свою современную форму. Мы рождаемся нагими, имея мозг, в котором окончательно сформировалась только небольшая его часть. Мы не способны встать на ноги, защитить себя или найти пищу. И мы очень медленно растем; человеческий ребенок – это самый зависимый детеныш на земле. Почему так? По какой-то причине миллионы лет назад представители нашего биологического вида развились от своих обезьяноподобных предков и встали на ноги. Необходимое для прямохождения анатомическое изменение тазовой области наложило определенные ограничения на конструкцию человеческого таза. Учитывая увеличение размера мозга человека в процессе эволюции, эта новая конструкция диктовала необходимость завершения неврологического развития ребенка за пределами матки. Из-за очень высокой зависимости человеческих детей родителям приходится тратить массу сил и средств, чтобы вырастить каждого ребенка; к тому же они должны устанавливать тесную связь со своим младенцем, который крайне ограничен в способах, позволяющих сообщить о своих потребностях. Природа создала взаимосвязанные,

симбиотические отношения между родителями и их потомством, на основе которых возникает связь «ребенок – родитель», представляющая собой одну из неотъемлемых особенностей биологии и роста человека. В первой главе описывается эволюционный путь, пройденный человеческим ребенком, и дается объяснение характерных особенностей самых юных представителей нашего биологического вида и необходимых для них отношений с взрослыми.

Во второй главе раскрывается мысль, что существуют всевозможные способы воспитания детей и что все они могут рассматриваться в социальном смысле. Так, матери из африканского племени гусии почти не говорят со своими детьми, за исключением тех случаев, когда их нужно успокоить, в то время как американские матери считают нужным разговаривать со своими малышами непрерывно. Оба подхода имеют смысл в контексте культуры каждого общества. Матери племени гусии пренебрегают вербальной стимуляцией, чувствуя, что это может пробудить в детях эгоизм, то есть ту черту, которая нежелательна в ориентированной на семью экономике, где первостепенное значение имеют коллективизм и общность. С другой стороны, американские матери убеждены, что вербальная стимуляция – это единственный способ вырастить умного и успешного ребенка в обществе, которое отдает предпочтение независимости и уверенности в себе. В этой главе рассматриваются цели воспитания детей и источники их происхождения. Во второй главе также дается более подробное объяснение концепции этнопедиатрии, представляющей собой кросскультурный взгляд на родительское поведение и эволюционную биологию ребенка, который составляет основу данной книги.

Третья глава – это своего рода «шведский стол», на котором представлены стили воспитания детей, существующие в разных культурах. Разве не интересно узнать, что родители племени кунг из Ботсваны никогда не оставляют своих младенцев лежащими на спине и что эти же родители тратят значительное количество времени, побуждая своих детей садиться и ходить. В результате дети этого племени в раннем возрасте отличаются гораздо более развитыми моторными навыками, чем их западные сверстники. В Японии родители воспринимают своего ребенка как свободную личность, которую необходимо интегрировать в семейную ячейку. И поэтому японские матери и отцы поощряют зависимость. Американские родители, напротив, пытаются вырастить своих детей уверенными в себе и независимыми, поэтому стараются увеличить существующую между ними эмоциональную и физическую дистанцию. Дело в том, что в любой культуре – или у формирующих ее людей – существуют самые разные негласные, часто неосознаваемые цели, связанные с будущим детей. Эти цели определяются экономикой конкретного общества и традициями, которые передаются от поколения к поколению. Однако эти цели не являются строго установленными; в условиях изменения экономики или политического климата родительские цели тоже меняются. Таким образом, подход людей к воспитанию детей носит традиционный и общепринятый характер, но при этом обладает способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Важно, что, несмотря на уверенность каждого родителя в том, что он ведет себя «правильно», никто не принимает во внимание огромное многообразие стилей воспитания, существующих во всем мире.

Следующие три главы книги посвящены трем важнейшим составляющим раннего детства – сон, состояние, или настрой, и кормление. Это те три канала, через которые родительские цели преобразуются в повседневные действия и взаимодействие. В четвертой главе рассматривается сон ребенка. На Западе используют характер сна детей в качестве средства оценки их развития и жалуются педиатрам, если новорожденный не спит на протяжении всей ночи. Считается, что ребенок, отличающийся тревожным сном, ведет себя аномально и отстает в развитии. С точки зрения этнопедиатров, изучающих паттерны сна, его нарушения – это естественное явление, а западные паттерны сна в одиночестве в любом возрасте противоречат биологии человека и его развитию. Детский сон формировался в атмосфере тесного контакта между матерью и младенцем, и даже сегодня 90 % маленьких детей по всему миру спят вместе со взрослыми. Примечательно, что результаты последних исследований сви-

детельствуют о том, что совместный сон с матерью приносит ребенку психологическую пользу. Сегодня ученые считают, что атмосфера совместного сна способствует развитию ребенка и что он использует модель родительского сна, чтобы научиться дышать ночью. Существует мнение, что совместный сон даже способен защитить некоторых младенцев от синдрома внезапной детской смерти (СВДС).

В пятой главе говорится о состоянии ребенка, поэтому она начинается с разговора о детском плаче, так как это именно то состояние, которое больше всего волнует и травмирует молодых родителей. Исследования в области этнопедиатрии говорят о том, что плач ребенка – это не просто способ, позволяющий ему получить еду или сухой подгузник, и уж точно не способ вызвать раздражение у взрослых. Это эволюционная адаптация в виде сигнала, с помощью которого младенец может сообщить, что с ним что-то не так. Игнорирование такого плача только усложняет ситуацию. Во многих культурах новорожденные плачут реже, чем их ровесники в западных странах, потому что их чаще держат на руках и потому что им не позволяют плакать долгое время, а реагируют на плач очень быстро. Существуют убедительные доказательства того, что состояние младенца и реакция на него взрослого человека могут оказывать значительное влияние на настроение ребенка. Психологами были проведены исследования с участием детей первого полугодия жизни, которые дают основание предположить, что в основе темперамента человека – то есть настроения и мироощущения маленького ребенка, а особенно его реакции на все новое – лежат биология и наследственность. Однако когда ребенок является частью несогласованных, несимбиотических отношений «родитель – младенец», его темперамент может серьезно измениться в худшую сторону. В связи с тем что маленький ребенок и родители образуют собой неделимое целое, каждый из них влияет на другого. Состояние младенца – это не некая величина, существующая в вакууме, а в определенном смысле функция его отношений с матерью и отцом, а также другими людьми, входящими в его круг общения.

Нигде конфликт между культурой и биологией не проявляется столь ярко, как в вопросе грудного вскармливания, который является главной темой, рассматриваемой мною в шестой главе. Сегодня большинство детей в мире получают грудное вскармливание. Прежде всего, это удобно, а если говорить с диетологической точки зрения, то это лучший источник пищи для новорожденных, обеспечивающий их важными антителами и приносящий другую пользу для здоровья. Однако в последние десятилетия все больше людей признают приемлемость искусственного вскармливания, и до недавнего времени его даже активно рекламировали, как если бы это был лучший метод кормления новорожденных. Еще интереснее тот факт, что искусственное вскармливание приобрело культурологический смысл – в 1960-х годах оно стало символом приверженности современным идеям, свободы и широты взглядов на Западе, а также в других странах, куда импортируется искусственное молоко. Все большее число матерей в слаборазвитых странах, где отсутствуют нормальные санитарные условия, делают свой выбор в пользу искусственного вскармливания, что приводит к высокой детской смертности. Таким образом, метод, выбираемый матерью для кормления младенца, становится важным политическим вопросом и вопросом здравоохранения, а также культурным явлением.

Седьмая глава завершает эту книгу обсуждением, которое должно помочь родителям ориентироваться во всей этой информации. Родительские решения не являются полностью интуитивными – каждый день мамы и папы, занимающиеся уходом за своими детьми, многократно совершают осознанный и неосознанный выбор. По сути, на протяжении дня все родители принимают целый ряд компромиссных решений. Носить ребенка на руках, и тогда он не будет плакать, но ведь он уже немало весит? Вскармливать ребенка искусственно и мириться с уходом за необходимыми для этого приспособлениями или кормить ребенка грудью, но при этом быть привязанным к нему? Спать вместе с ребенком спокойным сном или спать отдельно и всю ночь беспокоиться о нем? Каждое решение предполагает свои последствия. Однако самое важное заключается в том, что родителям, возможно, понравится идея о том, что, какой бы

подход к воспитанию детей им ни диктовала их собственная культура, существует множество альтернативных способов ухода за детьми, которые могут предложить другие культуры.

Давайте посмотрим фактам в лицо – умение воспитывать детей формировалось у матерей и отцов на протяжении миллионов лет эволюции. Если бы не это, наш биологический вид вряд ли смог бы выжить и просуществовать так долго. И все дело в том, что дети благополучно растут, воспитываясь с помощью множества самых разных родительских стратегий. Однако, когда речь идет об этих стратегиях, мы имеем дело не просто с вопросом мнений, традиций или обстоятельств, а со сложным соединением культуры и биологии. И то, каким образом мы воспитываем детей, оказывает реальное влияние на наше поведение, когда мы становимся взрослыми людьми. Цель этнопедиатров состоит в том, чтобы понять, что заставляет нас воспитывать своих детей именно так, как мы это делаем, и, достигнув этого понимания, выяснить, что лучше всего подходит детям.

Глава 1

Эволюционное развитие ребенка

Несколько лет назад Американский музей естественной истории в Нью-Йорке организовал необычную выставку, посвященную нашим далеким предкам. Цель выставки заключалась в том, чтобы продемонстрировать публике подлинные останки людей, иллюстрирующие эволюцию человеческого рода на протяжении четырех миллионов лет. Обычно эти останки хранятся под замком в музейных хранилищах в Африке, Азии и Европе, куда допускаются только квалифицированные специалисты. Однако той весной любой человек получал возможность увидеть своих предков, пусть не во плоти, но в костях. Лично для меня как антрополога это событие ознаменовало осуществление заветной мечты – посмотреть на подлинные останки, которые я столько лет изучала и о которых рассказывала своим студентам. Я отправилась в Нью-Йорк в первые же выходные после открытия выставки, испытывая при этом возбуждение, которое сравнимо только с тем, которое ощущает подросток на первом свидании. Я видела фотографии всех этих останков и не раз держала в руках гипсовые слепки многих из них. А теперь мне предстояло увидеть воочию то, что представало перед глазами Луиса Лики, Дона Йохансона и других ученых, когда они выкапывали из грязи одного из наших древних предков.

Я поднялась по главной лестнице музея, прошла под баннером с информацией об открытии выставки и вошла в здание. Внутри было темно и тихо, и лишь несколько человек бродили по залу. Такая обстановка меня вполне устраивала – она была созвучна охватившему меня чувству благоговейного трепета. Прямо перед собой я увидела высокую стеклянную витрину, освещенную сверху. Внутри был череп ребенка, размещенный на уровне глаз взрослого человека, так что наши «взгляды» встретились. На этом черепе не было ни плоти, ни глаз, ни рта – только пустое лицо ребенка с набором поврежденных зубов. Я застыла на месте, сделала глубокий вдох и приступила к осмотру.

Это был «Ребенок из Таунга», австралопитек африканский, который был обнаружен в 1925 году и когда-то считался недостающим звеном между людьми и обезьянами. Очень давно, когда этот маленький ребенок умер, он каким-то образом попал в известковый карьер, где костная ткань постепенно исчезла и была замещена камнем. Через два миллиона лет работники каменоломни бросили этот обломок известняка в ящик с окаменелостями, которые они периодически передавали Раймонду Дарту, британскому профессору анатомии, который в то время преподавал в одном из университетов Южной Африки. Воспользовавшись вязальной спицей своей жены, Дарт начал откалывать сцементированную из обломков породу и делал это до тех пор, пока его взору не предстало маленькое лицо. Дарт часто находил в ящиках с окаменелостями останки бабуинов, но это не была обезьяна – мозг имел слишком большой размер, а лицо было слишком плоским. Дарт был убежден, что перед ним первое доказательство разделения обезьяны и человека. Сегодня мы знаем, что ребенок из Таунга и его родственники представляли собой похожих на человека существ, которые ходили на двух ногах, но все еще имели маленький мозг, и что они были возможными предками нашего вида, человека разумного (*Homo sapiens*). Так череп ребенка проложил путь к пониманию нашего прошлого.

И вот передо мной было то же самое лицо, на которое Раймонд Дарт смотрел шестьдесят лет назад. Лицо вогнуто вертикально ото лба до подбородка, однако нос плоский. Глаза, если бы они были в глазницах, смотрели бы прямо вперед. Правая сторона внутренней части черепа заполнена сверкающими кристаллами камня жеода, придающими ему алмазный блеск. И это символично. Данный череп и каменный слепок мозга ребенка, тоже найденный Дартом, так же драгоценны для тех, кто пытается понять эволюционный путь человека, как бриллианты.

Пока я рассматривала череп, меня посетила мысль о том, что много лет назад этот древний малыш был чьим-то ребенком. Возможно, он болел, или просто был невезучим, или стал ужином для какого-нибудь хищника. Стоя перед витриной, я представляла, как давным-давно он улыбался, смеялся и тянул руки к груди матери. Это была самая прекрасная вещь из всего, что я когда-либо видела.

С биологической точки зрения ребенок из Таунга представляет определенный этап развития австралопитеков, наших предков, которые жили от четырех до двух миллионов лет назад. Внимание палеонтологов, как правило, сконцентрировано на взрослых представителях любого вида, потому что взрослое состояние – это полноценный конечный результат развития; однако окаменелые останки младенцев и детей также могут многое рассказать с точки зрения анатомии и психологии, скорости развития и роста. Дети – это не просто миниатюрные версии взрослых. Существуют веские эволюционные причины, объясняющие, почему младенцы и дети старшего возраста выглядят и ведут себе определенным образом, – детство представляет собой особый эволюционный этап развития в жизни человека. Ребенок из Таунга подчеркивает тот факт, что мы не рождаемся взрослыми, а переживаем долгий период роста и изменения. В этом ребенке, как и во всех детях, скрыты некоторые наиболее важные секреты нашей анатомии и поведения. Не случайно же мыши рождаются слепыми, а человеческие дети не могут держать голову. Естественный отбор сделал так, чтобы оленята стояли самостоятельно почти сразу после появления на свет, младенцы автоматически улыбались, а детеныши шимпанзе цеплялись за шерсть матери. И все это имеет некий биологический смысл. Реализация модели рождения, младенчества и детства у любого вида происходит в определенной последовательности, которая в конечном счете формирует биологическую природу и поведение взрослой особи.

Строение тела у детей раннего возраста

Летом 1990 года я путешествовала по Африке, и во время той поездки мне представилась возможность подержать на руках детеныша шимпанзе. Его мать и все родственники были убиты браконьером. Его успели поймать, прежде чем детеныш был отправлен в какой-нибудь европейский зоопарк, и теперь малыша поселили в отеле, менеджер которого взял за правило забирать к себе брошенных животных. Качая детеныша обезьяны на руках, я испытывала удивительные чувства – он был совсем как маленький ребенок, только более волосатый. Он слегка ерзал, смотрел на меня напуганными карими глазами и, вытянув вперед губы, издавал тихие непонятные звуки. После нескольких минут беспокойства он протянул свои длинные руки через мое плечо в сторону женщины, которая за ним обычно ухаживала, пытаясь дотянуться до единственной матери, которая у него теперь была.

Неудивительно, что этот детеныш обезьяны был так похож на ребенка – около 98 процентов генетического материала человека и шимпанзе идентичны. На самом деле между нами и шимпанзе существует более тесная связь, чем между шимпанзе и гориллами. Я сообщаю этот факт, чтобы подчеркнуть одну мысль: все люди – как дети, так и взрослые, если уж на то пошло, – животные. Мы принадлежим к приматам, одному из отрядов млекопитающих, и наших детей можно считать детенышами. Несмотря на то что людям нравится считать себя единственными в своем роде, у нас есть много общего с другими приматами в области психологии и поведения. Так, форма нашей головы является частью континуума, распространяющегося на других приматов, для которого характерны уменьшенный нос и увеличенная черепная коробка с широким лбом и впередсмотрящими глазами. Наши зубы имеют больше сходства с зубами приматов, а не собаки или аллигатора. Наши глаза видят так же, как глаза обезьяны, которые обладают способностью к цветовому и глубинному (пространственному) зрению, помогающему им передвигаться по ветвям деревьев. Наши гибкие руки – которые могут сорвать фрукт с дерева, напечатать эти слова, завязать шнурки, держать цветок или собрать модель самолета – отличают нас и всех приматов от других млекопитающих, у которых есть лапы. Вся верхняя часть нашего скелета свидетельствует о еще более тесной связи с другими приматами, в особенности человекообразными обезьянами. Взяв в руки учебник по анатомии человека, можно провести анализ строения тела шимпанзе или гориллы и обнаружить, что все их кости и органы находятся на тех же самых местах, что и у человека. У нас верхняя часть тела – человекообразных обезьян с длинными руками. Единственное различие – в широком анатомическом смысле – заключается в том, что человеческий таз, ноги и ступни адаптированы к прямохождению. Значительная часть наших физиологических особенностей совпадает с теми, которые есть у прямоходящих приматов.

Дело в том, что человеческие младенцы, как и все другие, являются животными определенного вида, которые от рождения обладают определенными физическими и психическими способностями и не имеют некоторых других. Как будет видно из этой книги, лучше всего можно понять значительную часть животного контекста развития новорожденных и детей, взглянув на него через призму биологической эволюции.

Взяв на вооружение такой подход, уже невозможно думать о детях как о начальных несформировавшихся организмах или слабом подобии взрослых, которыми им предстоит стать. Дети – это только то, чем они были созданы быть.

Почему младенец не может сидеть

Не все малыши одинаковы. Дети, рождающиеся у людей, совершенно беспомощны, их интересует главным образом пища, сон, процесс еды, дефекация и комфорт. Сравните наших грудничков с новорожденным оленем. Олененок сразу же после рождения встает на ноги и через некоторое время уже готов убежать от опасности. Ученые называют эти два типа

новорожденных, встречающихся в живом мире, «незрелорождающимися» и «зрелорождающимися». Незрелорождающиеся малыши появляются на свет беспомощными, как правило, после короткого периода созревания или беременности, и формирование их мозга обычно завершено не полностью. Зрелорождающиеся детеныши проводят больше времени в утробе матери, более подготовлены к появлению на свет, куда они приходят зрячими и с хорошо развитым мозгом, позволяющим им контролировать свои конечности и двигаться должным образом; их центральная нервная система более совершенна в сравнении с их ровесниками незрелорождающегося типа. Незрелорождающиеся детеныши, как правило, имеют маленькое тело, отличаются небольшим мозгом и быстро растут, например мыши. Зрелорождающиеся малыши имеют большое тело и большой мозг, но растут медленно, например гориллы.

В обоих случаях мы имеем дело с рациональными альтернативными путями к выживанию: незрелорождающийся детеныш после рождения растет быстрее, а у зрелорождающегося значительная часть его развития происходит, пока он находится внутри матери. Так, размер мозга типичных зрелорождающихся малышей при рождении в 4,5 раза больше, чем у их незрелорождающихся ровесников с таким же весом тела. Однако впоследствии это различие исчезает. С момента рождения мозг незрелорождающегося детеныша увеличивается в размере в 7,5 раза, в то время как у зрелорождающегося только в 2,5 раза; другими словами, после появления на свет из утробы матери мозг меньшего размера растет почти в три раза быстрее³. Эта общая физическая и экологическая концепция необходима нам, чтобы представить в более широком контексте наш собственный вид. Что определяет стратегию развития зрелорождающегося или незрелорождающегося ребенка, и почему у людей дети рождаются такими зависимыми? Без сомнения, есть серьезные биологические основания для того, чтобы плод человека рождался в определенное время и определенного размера.

Большинство приматов можно отчасти отнести к зрелорождающемуся типу животных. Обезьяны и человекоподобные обезьяны, к примеру, рождаются зрячими, в отличие от мышей, и сразу же могут держаться за шерсть матери. Они не могут убежать от хищника или прокормить себя, но почти сразу после рождения способны без посторонней помощи найти грудь матери и сосать молоко, а также изучать окружающий мир с помощью глаз и рук. Приматы также выделяются среди других млекопитающих большим размером мозга на любой стадии развития. У всех приматов мозг плода составляет 12 % от его общего веса, в то время как у других млекопитающих (за исключением китов и дельфинов, которые также обладают достаточно большим мозгом) вес мозга плода соответствует только 6 % от веса тела⁴. Но если большинство приматов – зрелорождающихся животных с большим мозгом – способно взаимодействовать с окружающим миром, то почему человеческие дети рождаются такими беспомощными?

Люди отличаются от других приматов, поэтому их считают «вторично незрелорождающимися»⁵. Это означает, что у нас были предки, адаптировавшиеся к существованию в качестве зрелорождающегося вида, а затем по какой-то причине у нас развились некоторые черты, присущие незрелорождающемуся виду, которые в настоящее время накладываются на эту базовую модель. Ключом к пониманию нашего достаточно нового статуса незрелорождающегося вида служит наш огромный мозг; в процессе естественного отбора человеческие дети приспособились к этому выбору в пользу большого размера мозга. Мы являемся частью последовательности видов, обладающих крупным мозгом, и были отобраны для того, чтобы развить эту особенность в большей степени, чем любой другой вид приматов. По какой-то причине миллионы лет назад, когда у нас с обезьянами был общий предок, одна из разновидностей обезьян, обладавшая чуть большим мозгом, преуспевала – например, в вопросах выживания и произ-

³ Martin, 1990.

⁴ Martin, 1990.

⁵ Dienske, 1986.

ведения большего потомства – больше, чем какой-либо другой вид обезьян. Таким образом, начал происходить активный сдвиг в пользу увеличенного объема мозговой ткани, который привел к выбору большого мозга. Однако за большой мозг приходится расплачиваться. Природе пришлось придумывать разнообразные решения для адаптации к такому выбору. Так, для обеспечения функционирования мозговой ткани требуется больше калорий, чем для какой-либо другой ткани, поэтому значительная часть съедаемой нами пищи обеспечивает питание и тепло для клеток мозга. Еще более важным является то, что наши дети вынуждены появляться на свет раньше, чем это могло бы происходить в ином случае, имея из-за этого недостаточно развитый мозг. В результате у новорожденных отсутствует оформившаяся центральная нервная система, что объясняет причины их неспособности ходить и разговаривать в течение длительного времени; для этого у них нет соответствующей нейронной сети. Младенец не может сидеть, потому что формирование его нервной системы – а самое главное, мозга – не завершено. Следовательно, высокая зависимость наших новорожденных и их постоянная потребность в заботе – это главная расплата за обладание большим мозгом.

Несомненно, наши дети быстро наверстывают упущенное. После рождения мозг человека растет быстрее, чем у любого другого млекопитающего, и этот темп развития сохраняется на протяжении двенадцати месяцев, после чего мы переходим к более типичной для млекопитающих модели роста мозга. Р. Д. Мартин, специалист по анатомии приматов и палеонтолог, утверждает, что у людей период беременности в действительности составляет двадцать один месяц – девять месяцев в утробе матери, а затем двенадцать месяцев за ее пределами⁶.

Однако причины, по которым наши дети появляются на свет до того, как завершится их неврологическое развитие, не ограничиваются размером мозга. Наши новорожденные имеют достаточно крупный размер, учитывая вес тела матери, и это усложняет работу всей репродуктивной системы человека. Самую важную роль в ней играет плацента, которая функционирует как система передачи кислорода от матери к плоду. Когда ребенок достигает определенного веса, плацента утрачивает возможность выполнять свою работу должным образом⁷. В случае запоздалых родов родители часто думают, что акушер рекомендует проведение кесарева сечения, потому что ребенок стал слишком большим, чтобы пройти через материнский таз. На самом деле врачей больше беспокоит то, что плацента может дать сбой, в результате чего не сможет доставлять ребенку кислород и удалять отходы жизнедеятельности. При рождении размер ребенка относительно плаценты является более важным фактором, определяющим продолжительность родов, чем размер мозга.

Все эти три стратегии появления на свет – незрелорождающимися, зрелорождающимися и вторично незрелорождающимися – связаны с целым комплексом ограничений и адаптаций, которые формируют тот или иной вид. Экологи рассматривают эти стратегии в виде континуума. На одном конце находятся виды, которые при высокой скорости размножения производят многочисленное потомство, но вкладывают в его воспитание мало сил, такие как насекомые (их называют r-видами или r-стратегиями). На другом конце спектра располагаются виды, которые размножаются только эпизодически и вкладывают очень много в воспитание каждого малыша (называемые K-видами, или K-стратегиями)⁸. Например, мыши проявляют в этом вопросе максимум энергии, принося многочисленные пометы с большим количеством незрелорождающихся детенышей, которые остаются в гнезде до завершения своего развития. В случае с большинством копытных эволюция сделала выбор в пользу крупных животных с осторожными, быстрыми зрелорождающимися детенышами. А линия человека определяется детьми с большим мозгом, которые рождаются окончательно не сформировавшимися. Ответить на вопрос,

⁶ Martin, 1990.

⁷ Martin, 1990.

⁸ Whittenberger, 1981.

от чего зависит выбор того или иного пути, непросто. Иногда речь идет о случайности, которая подталкивает развитие какого-либо вида в определенном направлении. Но чаще модель размножения можно объяснить как адаптацию к конкретному набору условий окружающей среды, которые благоприятствуют тому или иному физическому изменению. Таким образом, нам известно только то, что эволюционная история человечества двигалась в направлении поддержки большого мозга, что, в свою очередь, неизбежно влекло за собой биологические и психологические последствия в плане процесса рождения и развития ребенка в младенческом возрасте.

Осложнения от прямохождения

Возможно, мы могли бы и дальше продолжать разговор о детях, мозг которых развит наполовину, если бы эволюция не добавила в процесс раннего развития ребенка еще один осложняющий фактор – прямохождение. Как минимум четыре миллиона лет назад, когда род человека, или семейство гоминиды, откололся от шимпанзе, с которыми у нас был общий предок, его представители перешли к новому способу передвижения. В отличие от человекообразных обезьян, которые передвигаются по деревьям, цепляясь длинными руками за ветви, и ходят по земле, балансируя для устойчивости на костяшках пальцев, особи, принадлежащие к эволюционной линии человека, встали на ноги. Другие приматы также проводят некоторое время на задних лапах; они стоят навтыжку, когда напуганы или осматривают окрестности. Различие заключается в том, что люди – и наши предки – использовали хождение на двух ногах как основной способ передвижения. Этот переход к прямохождению в конечном итоге «подарил» нам боль, испытываемую во время родов.

На моем письменном столе лежат четыре анатомических экспоната. Один из них – это таз женщины, которая умерла не так давно. Другой – гипсовый слепок таза шимпанзе. В третьем случае гипсовый слепок сделан с таза мартышки, которая была одним из моих подопытных животных и умерла в ходе исследования, а теперь продолжает жить в моем кабинете, помогая разобраться в анатомии скелета низших обезьян. Четвертый же экспонат – это слепок таза Люси, женской особи австралопитека, которая умерла почти четыре миллиона лет назад. Если поставить их в ряд, то становится очевидным существующее между ним сходство. Миниатюрный таз Люси больше походит на кости ее далекой родственницы-человека, а кости шимпанзе и мартышки сформированы по своему отдельному, типичному для двух этих семейств шаблону. Различие между ними сильнее всего видно в двух особенностях костей таза. Во-первых, подвздошные кости («крылья», образующие основную часть таза) у передвигающихся на четырех конечностях низших приматов и у передвигающихся на задних конечностях с опорой на костяшки пальцев человекообразных – удлиненные, тогда как у гоминидов – Люси и нашей современницы – они короткие и широкие. Такие короткие и широкие подвздошные кости предназначены для того, чтобы поддерживать вес внутренних органов существа, которое всю свою жизнь проводит в вертикальном положении, стоя. Нужны они и для того, чтобы оставлять достаточно места для крепления мускулатуры, которая поддерживает тело в вертикальном положении и помогает ему сохранять это положение и равновесие при ходьбе. Во-вторых, кости таза у двух этих групп имеют разную форму. Если взять их в руки и заглянуть в них сверху, становится видно, что родовой канал у человекообразных и низших приматов имеет форму вытянутого по вертикали овала. А у двух гоминидов это отверстие сжато по вертикали и растянуто по горизонтали – овал повернут набок⁹. Причиной такого различия послужило то, что у двуногих приматов расстояние от поясницы до тазобедренного сустава стало короче. Как следствие, мышцы, ведущие от безымянных костей таза к ногам, стали крепиться к такому более широкому и плоскому тазу иначе: увеличилась большая ягодичная мышца (лат. *gluteus maximus*), которая стабилизирует положение ноги при ходьбе, отчего боковые мышцы,

⁹ Tague and Lovejoy, 1986; Trevathan, 1987. Ученые называют такую форму таза «плоской».

обеспечивающие равновесие туловища, стали эффективнее крепиться к бедренным костям. Это, в свою очередь, сделало возможным прямохождение, не давая при этом корпусу заваливаться, как это происходит с животными, привыкшими передвигаться на четырех конечностях, когда они пытаются слишком долго удержаться в вертикальном положении¹⁰. Сказалось это и на внутренней геометрии костей таза нашей современницы и Люси. Из-за смещения центра тяжести кости крестцового и поясничного отделов позвоночника, чтобы помочь поддерживать внутренние органы, сделались шире и толще и более вдавленными в полость таза. Вот как вышло, что, когда предки людей начали ходить на двух ногах, прямо посреди отверстия, через которое, по идее, должен был беспрепятственно проходить младенец, появилась крестцовая впадина. Выступ этот опасно сближался с лобковой костью передней части таза и означал, что в процессе родов младенцам по дороге наружу придется делать небольшой крюк.

Строение костей таза у современного человека и у всех его прародителей из числа прямоходящих радикально отличается от строения таза у тех его предков, что передвигались на четырех конечностях или с опорой на костяшки пальцев. Причины, подтолкнувшие наших предков к прямохождению, доподлинно неизвестны. На этот счет выдвигалось множество теорий, многие из которых были опровергнуты. Наиболее распространенная – это что люди стали ходить вертикально, чтобы переносить в руках предметы. Но хотя прямохождение действительно освобождает руки, непохоже, чтобы даруемая им способность переносить предметы (а возможно, и детей) была настолько эволюционно значимой потребностью. Наверняка должна была существовать более насущная необходимость, обусловившая такое кардинальное изменение скелета и мускулатуры. Вероятнее то, что прямохождение стало для наших предков реакцией на изменившиеся условия окружающего мира или предоставившиеся им новые возможности по добыче ресурсов. Бипедализм мог оказаться наиболее эффективным способом передвижения между участками редящих лесов; способность спуститься с деревьев и перейти из одного островка леса в другой могла быть стратегией поведения, выделившей наших предков на фоне конкурировавших с ними за пищу высших приматов¹¹. В любом случае, Люси, ее товарки, а также все древние люди после нее передвигались по лесам и африканским саваннам, расхаживая на двух нижних конечностях.

Узкое место

Как отразились все эти перемены в строении таза на рождающихся гоминидах и самом процессе родов? Поначалу почти никак. Во-первых, детеныши австралопитеков были меньше наших детей, просто оттого что и сами они были меньше нас; Люси, например, ростом была всего 105 см. Что еще важнее, у них были очень маленькие головы. Объем мозга взрослой особи австралопитека афарского был около 400 см³, примерно как мозг шимпанзе (грубо говоря, размером с грейпфрут). Детеныши австралопитеков, по подсчетам ученых, при рождении весили около 1600 граммов, а объем мозга имели 143 кубических сантиметра¹². Пройти через родовые пути для них скорее всего не представляло особой трудности. Однако на один компромисс им все-таки пришлось пойти.

У обезьян таз сжат с боков, что соответствует форме головки младенца; а крестец – широкая кость, соединяющая две половины таза, – не выгнут внутрь, как у людей. В результате детеныши обезьян, как правило, проходят в родовые пути лицом вверх. Но у австралопитеков таз был уже и ниже и имел крестец, вдавленный в ту полость, через которую должны были проходить младенцы. Поэтому их детям приходилось выходить на свет по иной траектории, ближе к

¹⁰ Berge et al., 1984; Tague and Lovejoy, 1986; Lovejoy, 1988.

¹¹ Rodman and McHenry, 1980; Isbell and Young, 1996.

¹² Leutenegger, 1972.

тому, как это происходит у современных младенцев¹³. Им нужно было входить в родовые пути под углом и подстраивать положение своего тельца под изгибы полости таза, сохраняя ориентацию либо слегка поворачиваясь и выходя лицом вниз¹⁴. Процесс этот мог протекать так же быстро, как и у низших приматов, но малышам австралопитеков приходилось покрутиться¹⁵.

Проблемы с родами стали возникать намного позже, когда Люси и ее коллеги уже вымерли, а у их потомков неожиданно резко увеличился объем мозга. Примерно полтора миллиона лет назад мозг взрослого гоминида увеличился с 400 см³, как у австралопитека, до 750 см³. Обладателем такого более крупного мозга был вид под названием *Homo habilis*, первый представитель нашего биологического рода. Иными словами, мозг у наших предков увеличился в объеме почти вдвое. Спустя еще всего какой-то миллион лет мозг гоминида снова увеличился вдвое, пока не достиг современного среднего объема в 1200 кубических сантиметров¹⁶. С точки зрения эволюции все это – довольно резкие изменения.

Как же сказалось такое увеличение объема мозга младенца на процессе родов? Кости таза, приспособившись к прямохождению, в своем строении на протяжении трех миллионов лет оставались практически неизменными. Очевидно, что значительно прибавившая в размере голова уже не могла с легкостью проскользнуть через родовой канал таза, приспособленного к эффективному перемещению на двух ногах и рождению младенцев с небольшим мозгом. Проблема в самой конструкции: таз задумывался как место крепления необходимой для хождения на двух ногах мускулатуры – чем шире, тем лучше, лишь бы это не начинало мешать женщине ходить. Модифицировать его под нужды большеголовых младенцев невозможно. Так что на компромисс должны были пойти сами младенцы, что они и сделали. Во-первых, природа ограничила максимальный объем головного мозга при родах. У людей, как и всех других приматов, дети рождаются с мозгом, вес которого составляет примерно 12 % веса тела. Пусть на роду нам и написан более высокий коэффициент энцефализации (то есть соотношения размеров мозга и тела), чем у других приматов, рождаемся мы с тем же относительным объемом мозга, что и у обезьян¹⁷. Это компенсируется крайне быстрыми темпами роста мозга после рождения. Во-вторых, кости черепа у нас срастаются только после рождения, так что, когда младенец протискивается через родовые пути, его головка может изрядно сжиматься и менять форму. «Роднички», то есть неокостеневшие участки черепа младенца, – это места соединения различных его костей. Часто через тонкие мембраны соединительной ткани мозга можно видеть, как пульсируют его кровеносные сосуды. Обезьяны рождаются с почти полностью заросшими родничками, но у людей они остаются широкими и подвижными. То, что при рождении головка человеческого младенца из-за этого имеет вытянутую форму, – всего лишь задуманный природой способ протиснуть малыша в родовые пути, не повредив ткани головного мозга.

Две эти особенности помогают головке малыша проходить через родовые пути, но никак не компенсируют тот факт, что человеческие младенцы еще и довольно крупные по сравнению со своими матерями¹⁸. Обычно у мелких животных детеныши сравнительно крупные, а у крупных животных – сравнительно небольшие. Как ни странно, у людей, млекопитающих довольно крупных, дети по сравнению с весом матерей рождаются относительно большие. Так

¹³ Berge et al., 1984.

¹⁴ Tague and Lovejoy, 1986.

¹⁵ В научном сообществе сейчас идут споры о том, как протекали роды у австралопитеков. Лейтнеггер утверждает, что процесс протекал легко, почти как у высших приматов (Leutenegger, 1972; Leutenegger, 1982); Макгенри думает, что он больше походил на роды у современных людей (McHenry, 1986); а Таг и Лавджой выдвигают гипотезу, что он был совершенно не похож на то, как проходят роды у всех известных нам видов приматов (Tague and Lovejoy, 1986; Lovejoy, 1988). Прекрасный обзор этого научного спора см. в Rosenberg (1992).

¹⁶ Fleagle, 1988.

¹⁷ Leutenegger, 1972; Jordon, 1976.

¹⁸ Leutenegger, 1982.

что проблему вызывает не только большая голова младенца, но и плечи и размер всего его тельца вообще. Еще важнее то, что младенцы, некогда свободно проходившие через родовые пути, в процессе их адаптации к прямохождению стали входить в них туго, словно пробка в бутылку. Поэтому им пришлось приспособиться еще в одном – в том, каким способом они проходят через настолько тесные пути. Младенцам приходится изгибаться и изворачиваться, прижимать подбородок к груди и появляться на свет лицом вниз. Человеческий таз – не прямой тоннель, как у других животных; вход в родовой канал – то место, через которое младенец в него проникает, – имеет поперечно-овальную форму. Средняя часть родового канала вытянута от лобковой кости к крестцовой, а выход имеет форму окружности. Кроме того, крестец выгнут внутрь, в результате чего средняя часть родовых путей – там, где младенец должен пройти мимо одновременно крестца и лобковой кости, – становится их узким местом¹⁹. Поэтому младенец входит в родовые пути лицом вбок, поворачивается, чтобы пройти через среднюю часть, отгибает голову, чтобы протиснуться мимо крестца, и в итоге выходит лицом вниз. Поскольку выход родового канала направлен больше назад, чем вниз, ребенку также приходится немного выгибаться и выходить под углом, лицом к спине матери. Тем же путем следуют и его плечи – опускаются и поворачиваются; но поскольку головка малыша на тот момент уже находится снаружи, малышу приходится выполнять плечами и шеей упражнение на скручивание, достойное профессионального гимнаста²⁰.

Последствия родов

Вот так и возникло чудо родов у человека – болезненный, сложный процесс, сжимающий головку малыша, как комок пластилина, и доставляющий матери невероятные мучения. И теперь мы знаем достаточно, чтобы ответить на вопрос, почему наши дети рождаются настолько беспомощными. С не до конца развитым мозгом они рождаются оттого, что человеческий таз уже не может расширяться или увеличиваться дальше, иначе женщины просто не смогли бы ходить. Болезненные роды и беспомощные дети – это эволюционный компромисс между прямохождением – эволюционно полезным качеством, закрепившимся у нас первым, – и происшедшим позднее увеличением мозга.

Антропологи Карен Розенберг и Венда Треватан указывают на то, что последствия этого компромисса не ограничиваются механикой родов, но сказываются на поведении человека и человеческом обществе²¹. Узость и извилистость родового канала делают роды процессом долгим и трудным как для матери, так и для малыша. Их травмирующее воздействие сказывается на том, как чувствует себя женщина после родов физиологически и психологически. И сами младенцы после такого тяжелого испытания появляются на свет тоже довольно измотанными и обессиленными. Настолько непростые, мягко говоря, роды могут объяснить разницу протекания этого процесса у людей и у прочих приматов. Двое исследователей, Вивика Анзорге и Курт Хаммершмидт, наблюдавших за родами у обезьянки-магота, описывали их как сравнительно быстрые, хотя и не безболезненные²². Обезьяна-мама, карабкаясь на дерево вслед за остальной стаей, чтобы устроиться на ночлег, по пути несколько раз останавливалась и делала движения ногами – своего рода танец, показывавший, что с ней что-то не так. Она приседала на корточки, раз за разом трогала промежность и издавала низкие звуки, которые исследо-

¹⁹ Rosenberg, 1992; Rosenberg and Trevathan, 1995/96.

²⁰ Последние исследования показывают, что у других приматов младенцы при родах тоже поворачиваются. Мелисса Столлер из Чикагского университета проводила рентгеновское обследование рожающих самок саймири и бабуинов и обнаружила, что некоторые детеныши действительно поворачиваются. Однако их вращение, насколько можно судить, не следует чертам внутреннему строению костного таза (Culotta, 1995).

²¹ Trevathan, 1987; Rosenberg, 1992.

²² Hammerschmidt and Ansorge, 1989.

ватели охарактеризовали как «стоны». В конце концов она потянулась рукой сзади и подхватила малыша, который как раз выходил наружу. Обезьянка прижала его к груди, и малыш стал повизгивать. Но уже через пару минут самка – бесспорно, все еще довольно некрепко державшаяся на ногах – вернулась к своим занятиям. У нас есть очень мало описаний того, как проходят роды у приматов, потому что животные чаще всего рожают ночью или рано утром. Люди тоже чаще всего рожают детей поздней ночью, но в их случае у этого события почти всегда имеются свидетели²³. Розенберг и Треватан высказывают предположение, что практика присутствия при родах – это на самом деле эволюционная стратегия, необходимая нашему виду, потому что человеческие матери менее приспособлены помочь самим себе при родах, чем самки обезьян. Женщина испытывает сильную боль, роды протекают медленнее, а младенец появляется лицом вниз. Ей нужно, чтобы кто-то подхватил младенца и прочистил ему рот и нос. Ей нужно, чтобы кто-то подал ей малыша, а потом, если это будет необходимо, вытянул наружу плаценту. Венда Треватан называет это «принудительным акушерством», имея в виду, что при родах нам приходится прибегать к чужой помощи, потому что с такой формой таза и такими крупными младенцами иного выбора у людей нет²⁴. Так что у людей рождение ребенка – событие не просто биологическое, но и социальное. Женщине нужна помощь семьи и друзей, и это подчеркивает, насколько важно для нашего вида межличностное взаимодействие с самого нашего появления на свет.

²³ Trevathan, 1987.

²⁴ Trevathan, 1987. См. также Barash, 1979; Rosenberg, 1992.

Последствия зависимости младенцев

Наш с вами таксономический отряд – приматов – отличает от других животных то, насколько важную роль играет во всех сферах нашей жизни общение, и особенно те необходимые долговременные аффилиативные взаимоотношения, которые устанавливаются между родителями и их детьми. То, как мы, приматы, кормим, носим и оберегаем своих малышей, и то, что период ухода за ними у нас длится дольше, чем у любого другого живого существа, – просто поразительно. По сути, напряженный и продолжительный период ухода за ребенком – одна из наиболее характерных черт нашего отряда вообще и важное отличительное свойство людей в частности.

Привязанность родителей и детей

Эволюция заставила родителей-людей ухаживать за своими детьми, а детей – обращаться за помощью к своим родителям. Эта взаимная потребность друг в друге, в свою очередь, выражается в чувстве, которое мы называем привязанностью. С точки зрения естественного отбора привязанность логична. Наши предки были социальными приматами, животными, которые нуждались друг в друге для выживания. То, что социальность у приматов выражается в крайне интерактивной форме, даже стало для нашего таксономического отряда его отличительной особенностью. Мы – не просто скопление мартышек, шимпанзе или людей, но отдельные группы, члены которых, как правило, большую часть времени проводят вместе, трогая друг друга, сидя рядом и вместе перемещаясь²⁵. Мы узнаём друг друга по внешности и голосу и постоянно заняты мыслями друг о друге. И поскольку мы – социальные животные, для которых взаимоотношения чрезвычайно важны, объяснить и понять, что такое привязанность, для нас не составляет труда. Испытывать привязанность к кому-либо – это значит хотеть быть с ним, чувствовать себя комфортно в его присутствии, влюбляться. Вот и получается, что для родителей, детей, супругов и родственников отношения привязанности – это норма, и мы заранее ожидаем, что в жизни нам предстоит вступить во всевозможные их разновидности.

Мы также предполагаем, что узы привязанности каким-то образом формируются в момент рождения и что главной и наиболее фундаментальной их разновидностью является привязанность друг к другу матери и младенца. Ведь, в конце концов, это – тип связи, наиболее привычный для всех живых существ, у которых родители проявляют хотя бы минимальную заботу о потомстве. Кошки, например, которые в норме большую часть жизни проводят обособленно, некоторое время испытывают глубокую привязанность к своим котяткам, и даже самая недружелюбная кошка оказывается довольно приличной матерью. Естественный отбор связал мать и детеныша, потому что эти отношения необходимы. Некоторые детеныши рождаются самодостаточными, но большинство нуждаются в том, чтобы их научили ходить или летать и отличать съедобное от несъедобного. Поэтому самки в большинстве своем запрограммированы любить своих детенышей; а детеныши в большинстве своем запрограммированы привязываться к матерям. Эволюция сделала так, чтобы матери и детеныши привязывались друг к другу, чтобы матери кормили и защищали своих детенышей, а детеныши держались поближе к своим матерям, чтобы получать от них пропитание и защиту.

²⁵ Jolly, 1986.

Человеческие дети появляются на свет с неразвитой нервной системой и, в отличие от других млекопитающих и приматов, очень зависимы от тех, кто о них заботится (фото Д. Хэтч)

От эволюционной обусловленности перейдем к рассмотрению эмоционального аспекта привязанности. У людей связывающие мать и дитя узы обычно почитаются священными – лучшим, важнейшим и наиболее естественным видом привязанности. Нет картины сентиментальнее, чем изображение самки какого-либо животного со своими детенышами; в жанре «мать и дитя» даже гиены и летучие мыши выглядят трогательно. В человеческом же обществе матери и дети занимают наиболее чтимое положение. У нашего с вами вида взаимоотношения матери и ребенка так долго считались чем-то само собой разумеющимся, что немногие задумываются о сути этих отношений или даже спрашивают себя, а не являются ли они фикцией, учитывая, как далеко мы, якобы, отошли от чисто животного поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.